

002.7

с-68

Ж/х

Д-68

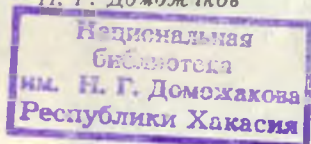
Н.Ф. КАТАНОВ

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

НИКОЛАЙ ФЁДОРОВИЧ
КАТАНОВ

материалы и сообщения

176820
Составитель кандидат филологических наук
Н. Г. Доможиков

Хакасское книжное издательство
Абакан—1958

Н. ДОМОЖАКОВ,
кандидат филологических наук.

НИКОЛАЙ ФЁДОРОВИЧ КАТАНОВ¹

1

Товарищи! Научная общественность Хакасии отмечает сегодня 95-летие со дня рождения и 35-летие со дня кончины первого выдающегося сына хакасского народа Николая Фёдоровича Катанова.

Уместнее будет наше краткое повествование о жизни и деятельности Катанова начать с отрывка речи выдающегося русского советского востоковеда академика Гордлевского, произнесённой 11 июня 1922 года на заседа-

¹ Доклад, прочитанный на объединённом заседании учёного Совета ХакНИИЯЛИ и Абаканского пединститута в декабре 1957 г.

нии Восточной Комиссии Московского Археологического общества:

«Безудержно идёт на Восток русская культура; проводниками её являлись и политические пасынки России, русские инородцы; то волны переселенцев (казаков и крестьян); то миссионеры, правительственные агенты, учителя — все они по-разному давно уже распространяли на востоке начала европейской культуры, сближали миры, европейский и азиатский, а их выученники несли эти элементы, иногда переломленные или искажённые, в туземную толщу. Просветительная миссия России на Востоке — мировая заслуга или, вернее: мировая задача. И на научной почве русская и инородческая стихии дружно объединяются для выполнения общего труда. Между инородными национальными телами России турки (т. е. тюрки. — Н. Д.) составляют значительное число. Изучение турецких (т. е. тюркских. — Н. Д.) народов, кардинальная тема русского востоковедения, совершается силами русских учёных... и инородцев-турков (тюрков. — Н. Д.), через русских приобщающихся к европейской цивилизации.

Н. Ф. Катанов представляет образец человека, выбившегося из инородческой христианской среды на учёную дорогу, и здесь заклю-

чается узел, определяющий тон его работы и её приёмы. На русскую мерку он жил, если не так уж долго, то и не мало: он умер на 60-м году от роду, но смерть приключилась ему от болезни, которая ежегодно косит жертвы среди хрупких организмов сынов Востока, падающих в душную городскую обстановку — от скоротечной чахотки (т. е. гнойного плеврита. — Н. Д.)»¹

В этих словах академика Гордлевского содер­жится всё: и роль России в деле прогрес­сивного преобразования народов Востока, и двоякий характер этого преобразования в цар­ское время, и учёное направление, и место Н. Ф. Катанова, обусловленное его инородчес­ким происхождением, и страшная трагедия тех единиц — выходцев из национальных мень­шинств царской России.

Только нечеловеческие усилия сына Аба­канского тюрка Катанова и бескорыстная под­держка истинных сынов русской науки могли привести его в классическую Красноярскую гимназию и Петербургский университет, а за­тем возвести на профессорскую кафедру Императорского Казанского университета.

¹ В. Гордлевский. Памяти Н. Ф. Катанова. Жур­нал «Новый Восток», кн. I, Москва, 1922 стр. 448.

День 6 мая 1862 года войдёт бессмертной страницей в культурную историю хакасского народа. В этот день на левом берегу светлого Абакана, в центре Узюмской степи, в улусе Катанова Турака, или Семёна Алексеевича, родился Николай Фёдорович Катанов от качинки Чаптыковой (Кизековой) и сагайца Фёдора Катанова. Семи лет — в 1869 году — он поступил в только что открытое одноклассное русское начальное училище села Аскиза и пробыл в нём пять лет, а с весны 1874 г. двенадцатилетним мальчиком уже копался в архиве Аскизской степной думы в качестве помощника писаря, где в течение двух лет (1874 — 76 гг.) знакомился с делами об «инородцах».

В этой думе царствовал Ефим Семёнович Катанов, взяточник, бай и развратник, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти. Даже царская власть, опиравшаяся среди хакасов на таких мироедов, как Ефим Катанов, под нажимом общественного мнения вынуждена была в 1887 г. выслать его на вечное поселение в Якутскую губернию.

Вдумчивый Николай Фёдорович Катанов за два года службы в Думе наглядился на

безобразия и пошлость, творимые его дядей над сагаями и бельтырами.

Чтение книг из хорошей школьной библиотеки, подаренной золотопромышленником Петром Ивановичем Кузнецовым, и постоянное общение с русскими людьми: учителем Потёмкиным и др. в Аскизе, особенно с Иннокентием Каратановым (полурусским, полухакасом), отцом Красноярского художника Дмитрия Иннокентьевича, возбудили в Николае Катанове тягу к знаниям, интерес к изучению родного народа. Каратанов первый открыл глаза Катанову, помог ему широко взглянуть на историческое прошлое хакасов. Коля Катанов от Каратанова получал книги «Сибирского Вестника», издаваемого Григорием Спасским, приятелем А. С. Пушкина. На страницах этого журнала Спасский печатал статьи о сагаях, бельтырах и качинцах.

Дядя Николая Катанова готовил ему, как и его старшему брату, карьеру священника. Но Н. Ф. Катанов решительно отверг и отказался от поповской рясы. В начале августа 1876 года с рекомендательным письмом И. Каратанова Николай Фёдорович в лодке поплыл в Красноярск для поступления в светское учебное заведение.

Отец Н. Ф. Катанова Фёдор Семёнович к

этому времени умер. Юный Катанов воспитывался в миссионерской семье Ефима Семёновича Катанова, что наложило определённый отпечаток на нравственную жизнь Николая Катанова. Неграмотная, забитая мать Катанова не могла ничем помочь одарённому сыну. Только тётушка, которую очень уважал Н. Ф. Катанов, Елизавета Варфоломеевна (жена Ефима Катанова) — русская женщина — собрала Коле бельишко, сухарей, вяленое мясо, немного ассигнаций (100 рублей) и «большой «екатерининский» рубль»¹

Рекомендательная записка И. Каратанова, аскизского резидента П. И. Кузнецова, который был тогда первым городской головой Красноярска, привела Н. Ф. Катанова в 1876 г в стены Красноярской классической гимназии.

Попутно заметим, что золотопромышленник П. И. Кузнецов — родом из братских бурятов. В отличие от Цибульского и его преемника Иваницкого, он сыграл полезную роль в деле развития просвещения в Енисейской губернии, особенно в тогдашней Хакасии. Это на его средства и по его рекомендации поехал учиться в Петербург знаменитый русский художник Суриков • В. И.

¹ См. воспоминания И. Барашкова-Эпчелея в настоящем сборнике.

Общительный и вдумчивый Катанов с первых дней учёбы в гимназии обнаружил себя исключительно способным учеником. Не имея средств для существования, он сразу же стал репетитором отстающих гимназистов — детей богачей г. Красноярска.

Хранящиеся в архиве Казани похвальные грамоты показывают, что сын абаканского тюрка Николай Катанов за все годы учёбы в гимназии был первым учеником и окончил её с золотой медалью. В гимназические годы он окончательно оторвался от своего патриархально-феодалного Аскиза, приобщился к русской культуре. Во время каникул на короткое время он выезжал в свои родные места для изучения языка, быта и фольклора своего народа. Значительное каникулярное время проводил он в качестве батрака у богатых родителей своих репетируемых гимназистов.

Эстафету напутствия и любви русского бескорыстного сердца к Катанову от Иннокентия Каратанова из Аскиза в Красноярской гимназии принял русский учитель Завадский-Краснопольский, постоянно следивший за развитием познавательных и научных дарований у юноши.

Неотступная нужда выработала в Катанове-гимназисте многие замечательные качества:

прилежание, требовательность к себе, аккуратность, воздержанность, общительность, обаятельность и пр. Например, за все гимназические годы он не пропустил ни одного урока, за исключением опоздания во время выпускных экзаменов. Здесь ему «просто захотелось хоть один раз опоздать», как он объяснил испугавшимся учителям, прибежавшим за ним на квартиру. Писал он одним и тем же пером; вся его мебель была делом его собственных рук; он вёл учёт каждой копейке, все личные вещи имели инвентарный номер.

В гимназии, в 1883 году, начинается его научная биография. Его «Описание шаманского бубна и костюма сагайского племени» было опубликовано в работе Г. Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии». В гимназии же, по совету известного алтайского тюрколога В. И. Вербицкого, Катанов начал сверять хакасские тексты, опубликованные в своё время А. Кастреном и В. Радловым. Здесь же Катанов усиленно изучает и язык хакасских племён. Двадцатилетний Николай Фёдорович в 1882 г. написал огромную работу «Татарский язык (сагайского наречия), ч. I, грамматика (этимология и синтаксис)», Красноярск, 1882. Рукопись этой работы содержит 381 тетрадную страницу. «Грамматика (сагай-

ского наречия) татарского языка, часть II. «Сборник примеров и словари» на 433 тетрадных страницах,¹ Красноярск, 1884 г.

Эти работы до сих пор не изданы. Они имеют неопределимое значение для диалектологии и истории хакасского языка.

Алтайский миссионер, большой тюрколог, много сделавший для просвещения горных алтайцев, В. И. Вербицкий становится на время вдохновителем Катанова в деле дальнейшего его движения по университетской лестнице. Казанский друг В. И. Вербицкого, известный тюрколог и миссионер, Н. И. Ильминский также немало употребил усилий для поступления Катанова в университет.

Тяга к знаниям и образованию, напутствия В. И. Вербицкого и Н. И. Ильминского, поддержанные проф. В. В. Радловым, сладость первых исследований родного народа влекли Н. Ф. Катанова в Санкт-Петербург. Но как быть с повинностями, которые падут на него от Степной Думы по совершеннолетию? Где взять средства для далёкого путешествия из Красноярска до Петербурга? Первое затруднение решили сами хакасы Аскизской Степной Думы соединённых разнородных племён, сво-

¹ Татарский госархив, ф. 969, арх. № 5, 6.

им приговором уволив Катанова из-под власти Думы и приняв на себя все повинности его на всё время учёбы. Второй вопрос Катанов решил сам: он собирал деньги от частных уроков ещё с IV курса гимназии¹.

Окончив курс гимназии весной 1884 года с золотой медалью, 15 августа этого же года, с билетом о внешних приметах и приговором Степной Думы, Н. Ф. Катанов поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков, по разряду арабско-персидско-турецко-татарской словесности.

3

Радость вступления Катанова в университетские аудитории встретила со жгучей горечью невыносимой материальной нужды. Но Николай Фёдорович не оставил университет. На подможках Петербургских церквей за гроши он пишет поминальные и этим добывает себе средства для полуголодного существования. Он просит ректора зачислить его на стипендию, и, после переписки с Красноярскими полицейскими властями, сообщившими 17 сен-

¹ Госуд. истор. Архив Ленинградской области. № д. 8 студента Н. Ф. Катанова.

тября 1881 г. о том, что у Катанова нет никаких родственников, что средства для существования он добывал исключительно частными уроками детям некоторых жителей г. Красноярска¹, он был зачислен на стипендию.

Появление скуластого и неуклюжего «инородца» в стенах его Величества императорского университета, любознательность, пытли-вость и общительность этого «инородца» сразу же насторожило к нему внимание тайной полиции и жандармерии столицы. Катанов был вынужден дать подписку III отделению следующего содержания: «...не принадлежать ни к какому тайному сообществу, но даже без разрешения на то, в каждом отдельном случае ближайшего начальства, не вступать и в дозволенные законом общества, а также не участвовать ни в каком денежном сборе; в случае же нарушения мною сего обещания. подвергаюсь немедленному удалению из заведения...»²

Несмотря на такую гарантию со стороны Катанова, университетские и жилищные власти, по предписанию органов полиции,

¹ Госуд. истор. Архив Ленинградской области, № д. 18 студента Н. Ф. Катанова.

² Гос. истор. Арх. Ленингр. области, дело студента Н. Ф. Катанова, 24321, ф. 14, л. д. 33.

еженедельно давали рапорты о благонадёжности Катанова, что, конечно, не могло не отразиться на нём, знавшем все эти дискриминационные меры властей. Именно это сделало Катанова глухим ко всякой политике, безответным на все нападки на него с чьей бы то ни было стороны.

В Петербурге Н. Ф. Катанов жадно впитывал курсы востокovedных наук. Овладев стенографией, он все лекции записывал дословно, переводил их на обыкновенный шрифт; успевал слушать лекции по всем гуманитарным циклам других разрядов Восточного факультета; слушал курс общетюркской фонетики частным образом, на дому у академика Радлова В. В. в 1885—1888 годах. Под наблюдением Радлова студент Катанов издал несколько заметок о наречии сагайцев.

Окончив в 1888 г. университет со степенью кандидата, Катанов, по представлению профессора Березина, был оставлен в университете профессорским стипендиатом по кафедре турецко-татарской словесности и числился таковым до 23 ноября 1893 года то с содержанием, то без содержания.

25-летний Н. Ф. Катанов, по рекомендации синолога академика В. П. Васильева и тюрколога академика В. В. Радлова, по поручению

Академии Наук и Русского Географического Общества на весьма скудные средства отправляется в труднейшее для того времени путешествие из Петербурга в Сибирь, Урянхайский край, Русский и Китайский Туркестаны для изучения языка, быта, фольклора и т. д. тюркских племён названных мест. Пробыл Катанов в этой тяжёлой научной поездке 4 года 10 месяцев (с 15 февраля 1888 г. по 31 декабря 1892 г.) и собрал обширнейший материал по хакасам, карагасам юга Иркутской губернии, тувинцам, тюркам Цинзяна. В Китае он посетил города и провинции: Чугучак, Урумчи, Тарбагатай, Хами, Гань-су-Синь-цзянь, Турфан, Кульджу и др.

В частности, в Семиреченской области исследовал он язык и быт русских казах-киргизов и сартов; в округе Тарбагатай — язык и быт китайских казах-киргизов сеоков кирей, аргын, найман; в провинции Гань-су, Синь, Цзянь — язык и быт китайских тюрков, говорящих на так называемом джагатайском языке и живущих в городах Хами, Лагучен, Турфан, Аксу, Урумчи, Гучен; в Урянхайском крае — язык и быт тувинцев; в Иркутской губернии — описал карагасов, в Минусинском крае — язык и быт сагаев, бельтыр, качинцев, койбал.

Из привезённого колоссальнейшего и ценнейшего материала только часть увидела свет, всё остальное частью хранится в Госархиве в г. Казани¹, частью растаскано после смерти Катанова².

Измученный многолетней экспедицией Н. Ф. Катанов возвратился в Петербург с радостным сердцем в груди, с воодушевлением обрабатывал материалы и составлял отчёты, надеялся о присвоении профессорского звания и оставления в Петербурге. Однако место было занято до его возвращения из экспедиции. Терпеливый Катанов обрабатывал материалы, готовил их к печати и по завершении работ собирался уехать в Сибирь и обучать своих соплеменников.

Однако известность, которую доставила Катанову экспедиция, не позволяла вышвырнуть его из науки. Он был назначен 23 ноября 1893 года преподавателем восточных языков Казанского университета, куда прибыл 12 января 1894 года после сдачи материалов и отчётов. В это же время он сдал магистерские (кандидатские по-современному) экзамены.

Так отпал Катанов тогда от милого ему Петербурга и пристал к тогдашней миссионер-

^{1,2} См. Казань, Госархив. ф. 960.

ско-духовенской части Казани. Его оторвали от зарождавшейся тогда новой тюркологической школы Петербурга. Очевидно, тогда же сложилось некоторое охлаждение в отношениях Катанова с его знаменитым учителем В. В. Радловым. Но Н. Ф. Катанов к В. В. Радлову всю свою жизнь относился с уважением и почтением.

4

1768202
Трудолюбивый, энергичный и обладающий исключительными организаторскими способностями, Н. Ф. Катанов сразу же включился в кипучую научную и научно-общественную жизнь Казани.

Катанов не был кабинетным учёным. Наряду с педагогической работой в стенах Казанского университета, его тянули полевые исследования живого и оригинального материала, добытого собственными усилиями, а не через вторые руки. С этой целью он, с разрешения Министерства народного просвещения, не раз и надолго выезжал в Хакасию, Туву, в районы Башкирии и Татарии; путешествовал по России; раскапывал Болгары (Булгары) и т. д. В нём удивительно сочетался многогранный полевой исследователь-собираатель и прекрасный лектор-эрудит, аудитории которого всег-

да были переполнены любителями и почитателями его лекций.

Результатом многочисленных далёких путешествий и экспедиций явилась его магистерская диссертация «Опыт исследования урянхайского языка...». Эту работу, содержащую свыше 1 600 страниц, изданную Казанским университетом в 1903 г., нельзя читать без удивления и восхищения. Она доставила автору-хакасу всемирную и бессмертную славу. Она прославила русскую тюркологическую науку и даже в наши дни не имеет себе равных. Н. Ф. Катанов в этой работе выступил как истинный патриот России против пан-финских притязаний учеников великолепного Александра Кастрена, как Аспелина, Рюклю и др., искавших прародину финно-угров в Туве и Хакасии и прапредков в лице тувинцев и хакасов. Это пан-финнисты распространили среди хакасов легенду о народе Чудь, якобы соорудившем древние оросительные каналы, затем заживо похоронившем себя перед приходом русских. Это пан-финнисты рассеивали среди хакасов, тувинцев ненависть к русским, основа дружбы и совместной жизни с которыми у хакасов сложилась ещё за 50 лет до появления первых финно-угорских путешественников и экспедиций.

Катанов в своём «Опыте...» в пух и прах разбил все эти «теории» и доказал на колоссальном языковом материале несостоятельность притязаний пан-финнистов. Он доказал, что народности Алтая и Саян в частности тувинцы — тюрки по своему происхождению, что их язык является языком тюркского корня, что Алтае-Саянские тюрки генеалогически восходят к тугю, обитавших в V — VIII вв. в бассейне Среднего и Верхнего Енисея и оставивших памятники своего языка в виде енисееорхонских надгробных письмен.

Опасная сущность пан-финнской теории заключается в том, что она подрывает основы дружбы между русским и хакасским народами, между СССР и государствами с финноугорскими народами. Катанов разоблачил эту теорию, искал и опубликовывал песни о дружбе русских, хакасов и тувинцев:

«Рыба хариус питается в глубине червями!
Девуцы Ели-хема кормятся от русских»¹.

Работа «Опыт исследования...» Катанова, кроме политического, имеет ещё и научное и научно-справочное значение. В ней сосредоточены материалы 42 живых и 5 мёртвых тюркских языков, живые из которых в условиях со-

¹ Письма Катанова, стр. 5.

ветской власти консолидировались в национальные и народные языки и находят свою историю и диалектологию в этом труде. Одним словом значение этой работы и в наши дни трудно переоценить.

Не случайно поэтому почти все Петербургские газеты освещали на своих страницах подготовку и ход диспута Катанова на степень магистра турецко-татарской словесности, состоявшегося в Петербургском университете 7 декабря 1903 года, в час дня, в аудитории № 13, на третьем этаже.

Официальные оппоненты Катанова заслуженный проф. В. Д. Смирнов и экстраординарный проф. П. М. Мелиоранский высоко оценили труд Катанова, ему была единогласно присуждена искомая степень.

О Катанове того времени газета «Казанский телеграф» в № 3270 от 11 декабря 1903 г. писала: «Н. Ф. Катанов в среде инородцев г. Казани пользуется не только популярностью, но и общим уважением, не менее лестное расположение к себе он снискал и в среде профессоров университета и всего образованного казанского общества».¹

Популярность Катанова в Казани не была

¹ Татархив, ф. 969, арх. 2, л. д. 4.

случайностью. Своей эрудированностью, образованностью, воспитанностью, научной плодотворностью, организаторской способностью он стоял выше всех тогдашних казанских ориенталистов. В последней анкете, составленной 15 августа 1921 г., он указывает на 382 работы, опубликованные в различных изданиях. Это количество нужно утроить, если сюда включить ещё все статьи, вышедшие в газетах и журналах. Всё это он создал за 36 лет научной работы, из которых 30 лет отдал Казани. Его библиографы сообщают, что Каганов использовал данные 114 языков мира, что он владел свободно почти всеми европейскими и азиатскими языками, не исключая классические и пять древне-тюркских, передне-азиатские (включая санскрит и семитские). Его рукописный фонд, хранящийся сейчас в Казани, пестрит японскими, корейскими, китайскими, санскритскими, арабскими, церковно-славянскими, форситскими, латинскими, греческими языками; египетскими, арамейскими, урартскими клинописными и многими другими письменами и алфавитами.

Научные устремления Н. Ф. Катанова охватывают широчайший круг вопросов: древние и современные ему языки и литературы тюрков, археология, исторические источники, этногра-

фия тюрков и монголов, нумизматика в самом широком смысле этого слова, музейное дело, восточная библиография, просвещение «инородцев», религия и культы, вопросы повседневных нужд «инородцев», народный и церковный календари и т. д. и т. д.

Однако на первое место из всех своих специальностей Н. Ф. Катанова нужно ставить язык. Крупных лингвистических работ у него насчитывается на 1 сентября 1921 г. — 29. Сюда же входит упомянутый «Опыт...» в качестве единицы, но равняющийся десяткам монографий. Нужно учесть ещё колоссальный рукописный фонд, оставшийся не увидев света, среди них: около 1200 страниц две части грамматики сагайского наречия 1882—84 гг., почти целый сундук карточек татарско-русского словаря и др.

На второе место сам Катанов ставит работы по фольклору и литературам тюрков. В списке их 34. Сочинения по истории содержат 22 номера. Среди них история Казани и Болгарского царства. Восточная хронология, библиография литературы о тюрках и финских народах; статья о китайском бунтовщике Чи Чи-гун, в которой, между прочим, Катанов говорит, что «все восстания в Китае подавлялись только при помощи европейцев. Маньчжур-

скому правительству Китая противились татары, монголы, дунганы при любом случае во имя своей свободы»¹.

Крупных этнографических работ насчитывается тоже 22. Они представляют из себя точные сведения по верованиям, быту, обычаям, обрядам тюрков и монгол.

К сожалению, ценнейшие этнографические сведения Н. Ф. Катанова ещё не увидели света, и без учёта хранятся в архивах.

За 36 лет научной работы Н. Катанов опубликовывал в год 15—16 научных статей. Что можно сказать, если к этому числу добавить 30 000 больших страниц рукописей, оставшихся после его смерти. Удивляться приходится потому, что вся научная публикация тогда почти всегда была бесплатной; кроме того, она шла параллельно с огромной педагогической работой, которая сосредоточивалась в основном в Казанском университете, где Н. Ф. вёл курсы: арабский, персидский, турецкий, татарский языки, арабская и обще-тюркская литература, история тюркских народов.

Однако университет не был единственным местом, где нуждались в Катанове. С 1912 г.

¹ Известия общества арх., ист. и этногр.; т. XII, Казань, 1894.

он состоял преподавателем, потом профессором Духовной Академии, с 1918 по 1921 гг., он читал курсы университета также в Северо-восточном археологическом институте, где он был кроме того деканом; с 1919 г. Н. Ф. читал курсы истории песнетворчества тюркских народов в Казанской высшей восточной музыкальной школе; читал публичные лекции по татарской литературе, истории и языку. Н. Ф. Катанов был с 1894 по 1897 гг. секретарём, а с 1897 по 1914 гг. председателем общества археологии, истории и этнографии Казанского университета.

Всё, что делал Н. Ф. Катанов в Казанский период своей жизни, изложить представляется невозможным.

15 декабря 1907 г. Совет Казанского университета присвоил Н. Ф. Катанову степень доктора сравнительного языкознания за труд «Образцы народной литературы...», 1907 г., что было редчайшим явлением в истории тогдашнего русского сравнительного языкознания. Эта учёная степень досталась Катанову заслуженно. Кроме Катанова в России такого полиглота не было. Его учёная слава к тому времени была известна ориенталистскому миру, особенно после научной командировки за границу летом 1900 года. Он побывал в Лон-

доне, Париже; а в Италии изучил, скопировал в венецианской библиотеке единственный половецкий (тюркский) письменный памятник.

Учёные заслуги Катанова признаются многими зарубежными научными обществами, избравшими его действительным членом: 14 февраля 1899 г. Международное общество наук и литератур в г. Левене (Бельгия), 17 марта 1899 г. венгерское этнографическое общество в Будапеште, 20 ноября 1900 г. Гельсингфорское финно-угорское общество; в России Н. Ф. Катанов был избран членом свыше десяти научных обществ и комитетов. Он состоял в переписке со многими учёными на многих языках Запада и Востока. Через него можно было достать любую русскую и иностранную книгу и газету.

Особенно живую связь поддерживал он с национальной провинцией России: музеями Средней Азии, Сибири, Кавказа, местными краеведами. Связь его была деловая, научная; обменивался он коллекциями, помогал музеям составлять экспозиции, посылал литературу; читал и проталкивал в печать работы местных исследователей. В частности, через Академию Наук добивался издания чувашского словаря Ашмарина, киргизских материалов Пандусова; пробил брешь для печатания якутского

словаря Пекарского, доказывая Радлову о преимуществах трудов Пекарского перед словарём и работами немца Бётлингга. Горячо поддерживал он Н. М. Мартыанова, Красноярский музей, Иркутский университет.

Многие экспонаты Н. Ф. Катанов приобретал за свои средства, а затем жертвовал их музеям Казани без всяких вознаграждений. В изданиях Казани того времени, так и мелькают сообщения о пожертвованиях Катанова приобретённых им за свои деньги коллекций и книг. Вот одно из этих сообщений: «Директор музея Н. Ф. Катанов купил за свои деньги для музея:

1. Коллекцию картин и вещей, характеризующих быт и религию евреев, 2. Альбом восточного серебра и золота, найденного в России, 3. Альбом драгоценностей турецкого султана, 4. Альбом видов Казани, 5. Монеты Золотой орды...» Всего в перечне десять номеров на общую сумму 450 рублей.

«Кроме того Н. Ф. пожертвовал всю, — пишется далее, — свою библиотеку Духовной Академии, которая перевезена и описывается под наблюдением жертвователя студентом Н. А. Захаровым»¹.

¹ Татарархив, ф. 969, арх. 74, л. д. 45.

Эти данные взяты из отчёта Духовной Академии за 1915—16 академический год.

Известно из формуляра проф. Катанова, что он получал довольствие в 1600 руб., столовых 200 руб., квартирных 200 руб., всего 2000 руб. Львинная доля из этой суммы уходила на приобретение редкостей для пожертвования музеям. Неудивительно поэтому, что Н. Ф. Катанов всю свою жизнь из нужды не выходил. Под властью этой же нужды Катанов лишился богатейшей своей востоковедной библиотеки 8600 томов. Предлагал он её Российской Академии, Иркутскому генерал-губернатору, Среднеазиатскому генерал-губернатору, но отовсюду получил отказ. Предлагал, наконец, немецким книготорговцам, но в это время в Казани оказался премьер-министр Турции, который случайно узнал о продающейся библиотеке Катанова от купца Юнусова, немедленно адресовался к Катанову и купил библиотеку, и она в 31 сундуке в 1914 г., перед началом первой мировой войны, отправилась в Стамбул.¹

Всем нужен был Катанов. Без него, казалось, невозможно сделать ничего. Министер-

¹ Газета «Тарджимант» № 113 от 28 мая 1914 г., хранится в Республиканском музее г. Казани.

ство народного просвещения много раз вызывало его в столицу на совещания по делам просвещения «инородцев», по этим же делам отправлялся Катанов в командировки в Оренбургскую и другие губернии.

Единственный знаток языка, литературы, этнографии, истории народов Востока Н. Ф. Катанов, как убеждённый христианин, именем Казанского миссионера днём и ночью бесплатно пыхтел над переводами религиозных книг на языки сибирских народов.

На якутский язык он перевёл евангелие, на хакасский язык перевёл две брошюры религиозного содержания.

Безропотно повинующийся предписаниям¹ властей, давший ещё в Петербурге письменную клятву тайной полиции не участвовать в тайных кружках, единственный знаток всех дел восточных народов России и за её рубежом, Н. Ф. Катанов был водворён в состав Временного комитета по делам мусульманской печати Казанского окружного суда. Долгие вечера, длинные часы полезного дня отдавал он

¹ Я в своё время ошибочно сделал следующую сноску: «Н. Ф. Катанов был монархистом по убеждению, реакционером в науке». См. Записки Хакниияли, вып. 2, стр. 93, за 1951 г. Н. Д.

бесполезному для науки делу, безвозмездному для себя, составляя заключения и переводы по заданию цензора и судьи.

Перед Катановым стоял выбор: либо пропускать антиправительственные вещи, о чём немедленно донесут и тогда лишение кафедры, научной работы, что могло случиться немедленно с ним, Катановым, как с «инородцем», либо находить какой-нибудь другой путь. И Н. Ф. Катанов нашёл этот другой путь. Он задерживал запрещённые книги, а потом тайно отдавал их читать.

Агенты-доносчики, густо расставленные вокруг Катанова, сообщали об этом высшему жандармскому начальству. Имеется секретная агентурная переписка, в которой говорится, что проф. Катанову доверяться абсолютно нельзя, что он из своей личной библиотеки раздаёт запрещённые книги.

Николай Фёдорович Катанов находился в дружбе с татарским революционером, просветителем, мыслителем Каюмом Насыри, которого, пользуясь своим положением и широким знакомством, не раз ограждал, защищал от нападок реакционеров и прочих политических диверсантов Казани.

О своём положении судэксперта Н. Ф. Катанов не раз жаловался своим друзьям в част-

ной переписке. В письме к проф. А. Самойловичу от 30 декабря 1908 г.¹ он сообщает:

«... в виде отдыха мне весьма хотелось бы провести в СПб или Москве недели 2—3, да не знаю, как и когда это устроить. Дело в том, что я состою постоянным экспертом по делам мусульманской печати при окружном суде, где не дают мне ни отдыха, ни сроку... и денег не платят. Учебное начальство совершенно бесцельно избавить меня от исполнения гражданских обязанностей».²

Тайные наблюдения убедили Министра Внутренних дел, что Катанов действительно неблагонадёжный, и его с 1 октября 1912 года отчислили из состава Комитета по делам печати.

Приближались дни Октябрьской революции. Катанова выживали из Казани. Особенно усердствовал протоиерей Казани. Но Катанов не обращал внимания. Он не отвечал на нападки ни устно, ни печатно. Его приглашали в Баку, Ташкент, Владивосток, Красноярск — Катанов не поехал, и продолжал работать в Казани.

¹ Назначен Н. Ф. членом Временного Комитета по делам печати 1 января 1907 г. Мин.-ром внешн. дел.

² А. Н. Самойлович. Н. Ф. Катанов. «Жизнь Бурятни», Верхнеудинск, 1925, стр. 3.

В годы советской власти большую работу провёл он по упорядочению музеев Казани, участвовал в качестве члена в работах организационных комитетов Казанского пединститута, Высшего института народного образования, Археолого-этнографического института, Восточной Академии; состоял председателем переводческого комитета при губернском Совете отделов народного образования, на внешкольных курсах читал лекции по татарскому языку и литературе.

Н. Ф. Катанов только на полтора месяца с 1 января по 15 февраля 1919 г., когда были распущены все преподаватели университетов страны, прекратил работу в университете. 15 февраля 1919 г. по Всероссийскому конкурсу его избирают профессором Казанского университета, и первого августа 1921 г. ему Научным Комитетом секции ГУС утверждается звание профессора по факультету общественных наук¹.

Наступили голодные 20-е годы. Страна переживала тяжёлые дни. Мытарства по огороду, нетопленая квартира подорвали здоровье и ускорили конец жизни Н. Ф. Катанова, и 10 марта 1922 г. в Штамовской больнице,

¹ Татарархив, ф. 969, арх. 13, лист 342.

после операции, от гнойного плеврита, истощённый организм его не вынес.

Чёрные глаза Катанова, открывшиеся на Абакане, закрылись на великой и светлой Волге.

Ученики и почитатели, соратники и друзья Н. Ф. Катанова в Казанском Кремле у стен Спаса-Преображенского монастыря вырыли могилу и опустили туда драгоценный камень, найденный русскими людьми в хакасской степи и отточенный лучшими светилами русской науки.

Бессмертное наследие проф. Н. Ф. Катанова ныне входит в составную часть духовного сокровища страны Советов. Дети тех народов, бесправных при царизме, изучению которых всего себя отдал Катанов, ныне счастливые, свободные и равноправные, строят здание социалистической науки в своих республиках и областях. И камни, выкопанные для этого здания Катановым, хотя и грубые, потомками его обтесываются и обжигаются огнём марксистско-ленинской науки и с благодарностью бережно и заботливо используются

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Н. Г. Доможаков. Николай Фёдорович Катанов	3
С. Е. Малов Н. Ф. Катанов, проф. Казанского университета (1862—1922 гг.)	33
С. Н. Иванов. К характеристике лингвистического наследства Н. Ф. Катанова („Опыт исследования урянхайского языка“, Казань, 1904)	52
М. К. Бакеев. Творческое содружество двух учёных (Н. Ф. Катанов и Каюм Насыри)	67
О. Б. Макарова Н. Ф. Катанов—воспитанник Санкт-Петербургского университета	81
К. М. Патачаков. Этнографические материалы в трудах проф. Н. Ф. Катанова	94

ВОСПОМИНАНИЯ

Н. А. Васильев. Воспоминания о профессоре Николае Фёдоровиче Катанове	102
И. Барашков—Эпчелей. Катанов Н. Ф.	124
Н. В. Никольский. Воспоминания о Н. Ф. Катанове	168
А. Н. Катанова. Из воспоминания об отце	171
А. Каримуллин. Хронологический указатель трудов Николая Фёдоровича Катанова	185